

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Вологодские кружева

*Авантюрно-
жизнерадостный роман*

Сергей Филиппов (Серж Фил)

Вологодские кружева.

Авантюрно- жизнерадостный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23140741

ISBN 9785448362736

Аннотация

Несколько молодых, но дерзких ребят, презирая установленные нормы приличий и поведения, с лёгкостью и озорством движутся по жизни и по дебрям вологодской тайги. Постоянно попадая то в глупые, то в смешные, а порою и в опасные ситуации, они всё же не раскисают и, полируя своими задницами шероховатости судьбы, выкарабкиваются из «ласковых» объятий как природы, так и человеческого общества. Все похождения романтиков густо раскрашены юмором, любовью и бесчисленными безрассудными проступками.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
I	6
II	9
III	12
IV	15
V	17
VI	20
VII	23
VIII	26
IX	31
X	35
XI	39
XII	43
XIII	48
XIV	52
XV	57
XVI	61
XVII	66
XVIII	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Вологодские кружева Авантюрно- жизнерадостный роман

**Сергей Филиппов
(Серж Фил)**

Иллюстратор Сергей Викторович Филиппов

© Сергей Филиппов (Серж Фил), 2017

© Сергей Викторович Филиппов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-6273-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

ДЕБЮТ

«Жизнь человеку даётся один раз, и прожить её
нужно... весело!» —
народная мудрость.

«Умный в гору...
высотный ход не погонит!» —
топографическая мудрость.

I

Едва я прошёл внутрь вокзала, как ко мне подлетел какой-то шустрячок:

– Эй, парень, сколько времени?

– Семь, – мельком глянул я на часы.

– О, какие часики кайфовые! Можно взглянуть?

– Чего на них глядеть, часы как часы. – И я пошёл было прочь, но шустрячок схватил меня за руку:

– Извини, браток, я ведь спец по часам, это всё издержки профессии. Дай сигаретку, если не жалко.

Я дал ему сигарету и всё-таки решительно направился к выходу в город, но зачем-то ещё раз решил уточнить время.

– Вот это да! А где же часики? – сказал я негромко.

– Какие часики? – послышался низкий хриплый голос.

Я повернул голову и увидел сержанта милиции.

– Товарищ сержант, – как я был рад! – вот только что часы стащили! Прямо с руки! Совсем на лету!

– Щёлкать меньше надо!

– Вообще-то я не щёлкал, – недоуменно пробубнил я и, глядя в абсолютно спокойное лицо сержанта, понял, что нужны ему мои часики точно так же, как мне его дети от первого брака!

Сержант посмотрел на меня очень внимательно:

– Документы есть?

Я молча вынул из кармана паспорт.

– Так. Вроде всё нормально. А зачем к нам в Череповец приехал?

Я забрал у сержанта документ и весело улыбнулся:

– Да вот, мне в Питере все уши прожужжали: ах, какие в Череповце люди радушные и гостеприимные! Решил проверить.

– Ну и как?

– Полное соответствие! Кстати, как проехать в Заречье?

– Понятия не имею.

– Огромное вам спасибо!

Я изо всех сил толкнул дверь. Она, нежно скрипнув, широко распахнулась. Я быстро шагнул раз, но второй не успел – массивная дверь, теперь уже без каких-либо нежностей, своим возвратным движением кинула меня обратно. Тогда я осторожно отжал дверь плечом и боком просочился наружу.

На автобусной остановке было человек пятнадцать.

– Товарищи! Как доехать до Заречья? – спросил я менее уверенно, чем сделал бы это, не повстречайся мне сержант.

– На «пятёрке», до конца, – бросил белобрысый парень лет двадцати.

– Ты что дуру гонишь? – возразил ему брюнет в костюме-тройке и галстук с пальмами, – на «семёрке» надо ехать!

– А я говорю, на «пятёрке», урод!

– Сам ты урод!

И брюнет с белобрысым, без дальнейших выяснений красоты лиц и тел, начали азартно молотить друг друга руками и ногами.

Толпа на остановке развеселилась, а мне стало дико тоскливо: это ж надо, приехать в незнакомый город и в мгновение ока лишиться имущества и доверия к властям, а найти только сомнения в нормальности местных жителей!

Тем временем к брюнету и белобрысому подключились ещё двое парней, помоложе, и дело у них пошло энергичнее. На асфальт остановки летели капли крови, осколки зубов, ключья волос и рубах, а так же незамысловатые эпитеты.

В разгар зрелища кто-то потянул меня за рукав:

– Молодой человек, – рядом стояла симпатичная женщина средних лет, – вот подходит «семёрка», вам нужно на неё.

– Значит, всё-таки на «семёрке»?

– А это безразлично, и «семёрка», и «пятёрка» идут до За-речья.

– Так что ж тогда эти придурки передрались? – задал я вопрос немного риторический.

– А это так называемый местный колорит. Вы, я вижу, приезжий?

– Да, из Ленинграда.

– О, тогда многие вещи вам будут здесь не совсем понятны!

II

– Серёга! Ё-моё! Неужели это ты?!

Я смотрел и не верил своим синим глазам: Андрей, мой друг, с которым в технаре сидели за одним столом, а потом попали в одну экспедицию, стоял передо мной, широко разверзнув объятия и вонзаясь в меня своими чёрными цыганскими очами! После всех утренних плевков судьбы меня как будто умыли ключевой водичкой. На душе и внутри организма стало тепло, как после ста граммов водки, а на глаза почему-то навернулись слёзы.

– Серж, что с тобой? Ты плачешь?

– Нет, Андрэ, это просто акклиматизация к новым условиям обитания.

Как оказалось, Андрюха торчит здесь, на базе экспедиции, уже три дня, но чем дальше, тем меньше ясности.

– Понимаешь, Серж, мы ведь с тобой практически первый сезон работаем, ни черта не знаем. А здесь у них – впрочем, как и везде – всё через задницу делается. То бишь, не они нам рабочих будут искать, а мы сами должны этим заниматься.

– А что же Кислухин и Кнестяпин?

– О! Я тут недолго, но всё уже знаю. Кнестяпин, наш главный инженер, всё время болтается по партиям: то там погостит-погудит, то – там. А Кислухин, наш доблестный началь-

ник экспедиции, здесь торчит, но не один, а с целым штатом симпатичных девиц, оформленных им же на разные должности. Ты бы их видел! Это же гарем! А он в нём далеко не евнух! Короче, он тут пашет, как вол, вернее, как бык племенной!

– Да, – усмехнулся я, – тяжёлая жизнь у начальства.

– Я думаю, так, Серж. Давай найдём какого-нибудь бича, и будем работать вместе. Тут у них высотки немеряно, а это, как я узнал, самая кайфовая работа: если нормы не завысят, то можно вполне заработать.

– Что я слышу, Андрэ? Ты хочешь заработать денег? Для чего?

– Для того чтобы весело их потратить!

– Тогда я – за! Всеми членами. Кстати, авансик нам дадут?

– Дадут, но только перед выездом в поле. А пока я взял ящик тушёнки. Ты тоже бери.

– И что с ней делать?

– Да, я ж забыл, что ты только приехал. Тушёнка здесь покруче денег будет! Понимаешь, Серж, тут некоторые вещи нам не совсем понятны. Но сейчас мы прошвырнёмся по городу, и ты начнёшь потихоньку вникать в прелести местной жизни.

– Вообще-то я уже кой-какие прелести успел повидать.

– Ну и как они тебе?

– А как «Чёрный квадрат» Малевича: пока просто смотришь – всё ясно, но когда начинаешь задумываться – изви-

лины выпрямляются!

III

– Смотри и учись, – сказал Андрюха и нажал кнопку звонка первой попавшейся квартиры девятиэтажного дома.

Дверь открыла пожилая женщина.

– Хозяйка, тушёнка нужна?

– Почём?

– Два рубля банка.

– Беру. Десять банок.

Я был поражён. Весь торг не занял и минуты.

– Что поделать, Серж, – грустно улыбнулся мой друг, – голодный край! Тут колбаска и мяско бывают так же часто, как у нас в Ленинграде землетрясения и пылевые бури.

Звякнув в соседнюю квартиру, мы быстро продали оставшиеся десять банок и, с пустым рюкзаком, но полным карманом денег направились к магазину.

Андрюха сунул меня в очередь за вином, а сам пошёл поискать чего-нибудь деликатесного, как он выразился, для души.

Когда я запихивал последнюю бутылку «Агдама» в рюкзак, появился мой друг, но не один, а с приятной невысокой девушкой. И всё-то было при ней: фигурка, выпуклая там, где нужно и сколько нужно, ножки с лёгкой кривизной лодыжек, но кривизной не портящей, а только подчёркивающей их соблазнительность, пышные, чуть вьющиеся волосы

и огромные зелёные глазищи.

– Познакомься, Серж, это – Татьяна. Она едет работать с нами.

Хорошо, что рюкзак стоял на столе, иначе количество целых бутылок было бы под большим вопросом.

– Здравствуй, Серёжа, – девушка молодец, не стала утруждать себя излишним выканьем, – я много о тебе слышала!

Нам вторично повезло, что рюкзак стоял на столе!

– А во сне я тебе, случайно, не снился? – я хотел это спросить едко, но голос чуть возвысился и получилось как-то виновато-просительно.

Татьяна прищурилась, внимательно на меня посмотрела, чуть прикусила нижнюю губу, как это делают в кино соблазнительницы, и томно прошептала:

– Может быть!

И улыбнулась. Настолько естественно, не жеманно, что мы все легко рассмеялись и заговорили друг с другом как старые добрые приятели.

Оказалось, что Таня, закончив в прошлом году школу, никуда не поступила и работала ученицей кого-то на заводике, производящем чего-то, – какая, на фиг, разница! – поэтому она абсолютно свободна и поедет с нами хоть в Антарктиду!

– Вы, конечно, можете думать, что я какая-нибудь прошмондень (она это слово выговорила очень смачно, а мы энергично замотали головами, причём я – вправо-влево, а Андрюха – вверх-вниз), но я просто люблю приключения.

И ещё я вижу, что вы ребята отличные и не будете ко мне приставать по пустякам!

– Извини, Танюша, – откашлялся я, – а что ты имеешь в виду под словом пустяки?

– Именно то, Серёжа, о чём ты и подумал!

– И о чём же я подумал?

– О пустяках!

IV

Проснувшись, но, ещё не открывая глаз, я понял, что меня что-то давит. Это что-то было тёплое, очень мягкое и пахло так вкусно! Когда же глазки все-таки рискнули увидеть свет божий, я просто задохнулся от благоговения: Татьяна, обняв меня одной рукой за шею, лежала со мною в одном спальном мешке, а на её лице светилась милая улыбка!

Как я ни пытался, но вспомнить момент залезания нас в мешок не смог. Ну и фиг с ним! Главное, факт налицо!

Когда я попытался погладить задрожавшей рукой свою прелестницу, то понял вдруг, что лежим мы совершенно одетые. Странно, если не сказать больше! Что бы это значило?

В это время, как бы услышав мой немой вопрос, Таня открыла глаза и прожурчала:

– Не бойся, Серёжа, у нас с тобой ничего не было.

– С чего это ты взяла, что я боюсь? – голос почему-то резко сел.

– Ну как же, ты ведь лежишь и гадаешь: было ли что, а если было, то всё ли сделал так, как надо. Да?

– Ну, почти, почти.

– Так вот, ничего не было. А всё потому, что ты, Серёжа, настоящий мужчина!

Тут я тихо заплакал про себя: «Успокойся, Серёжа, у нас ничего не было, потому что ты настоящий мужчина!» Бред!..

Бред!..

– Видишь ли, – продолжала Таня, мягко улыбаясь, – я тебя попросила перед тем, как влезть в твой спальник, чтобы ты, если, конечно, считаешь себя настоящим мужчиной, без моего согласия ничего со мной не делал. И ты мне поклялся! И сдержал слово, хотя тебе было очень тяжело, я это чувствовала всю ночь!

– Я рад, что не обидел тебя, – промямлил я. А что ещё мне было сказать?

– И ещё, подумай, если я начну с вами сразу же заниматься ЭТИМ, то кем тогда для вас стану? Разве вы меня сможете хоть чуточку уважать? А вы мне нравитесь оба, честное слово! – Таня горячо поцеловала меня в губы и быстро выпорхнула из спальника. Потом она сладко потянулась и вышла из вагончика, который был нашим временным жилищем.

Я покрутил головой и обнаружил, что спальник Андрея пуст. Полежав ещё несколько минут, я сказал сам себе:

– А ну, настоящий мужчина, вставай, хватит валяться, тебя давно уже ждут не дождутся великие дела, подвиги и другие бытовые проблемы!

V

– Серж, ура! – Андрюха влетел в вагончик радостный и энергичный.

– Ура, так ура, – я пожал вяло плечами, – тебе видней.

– Ты что, сегодня не доспал?

– К сожалению, наоборот, переспал. Так что там насчёт ура?

– Сплошная везуха! Во-первых, уговорил Кислухина, чтобы он разрешил оформить Таньку, во-вторых, пришёл тут какой-то мужик устраиваться – будет у нас рабочим. И, в-третьих, едем мы в партию Литомина, а это значит, что с нормами будет всё отлично, он мужик справедливый.

– Что ж, Андрэ, всё здорово.

– Да, но есть ещё в-четвёртых...

– Что-то ты говоришь это не очень бодро.

– А вот я и не знаю, бодриться ли тут. Короче, нам суют практиканта, ему обязательно нужно освоить высотные хода.

– Какого практиканта? – не понял я. – Это шутка? Мы ведь сами ещё ни хрена не умеем. Я лично вообще не представляю, что это за высотка. Мы в технаре её не проходили, а те три месяца, что я работал в прошлом сезоне, и работой-то не называть.

Андрюха вздохнул:

– Ты это мне говоришь? У меня в биографии всё анало-

гично. Но Кислухин сказал, что если мы не возьмём этого студента, то Танька с нами работать не будет!

– Это серьёзный аргумент. А, впрочем, Андрэ, чёрт-то с ним! Мы ведь не деньги сюда примчались заколачивать, а просто приятно провести время, совмещая работу и некоторые шалости. Пусть будет студент. А если он окажется не таким, какой нам нужен, то мы его...

– Утопим в болоте!

– Ну, нет, это слишком легко. Мы его перевоспитаем!

– Точно. И сделаем из него ценителя всех пороков человеческих!

В дверь осторожно постучали.

– Входи, входи, кто там такой вежливый? – крикнул Андрей.

Дверь открылась, и в вагончик вошёл высокий тощий белообрый парень в синем джинсовом костюме. На его бледном лице ярко сияли голубые наивные глаза без малейшего намёка на какие-либо пороки или страсти.

– Здравсьте, меня зовут Владимир Налёттов.

– Да, – посмотрев внимательно на студента, я перевёл взгляд на Андрея, – тут, пожалуй, более оптимален вариант с болотом.

Андрюха понимающе покивал головой.

Студент же, похлопав, как бабочка крылышками, пушистыми ресницами, робко спросил:

– Нам нужно будет идти в болото?

– Как тебе сказать, молодой человек, – подлил я солидности в голос, – всё будет зависеть исключительно от твоего поведения.

– О, вы меня не знаете! Я буду работать, как Павка Корчагин!

– Вот это-то и настораживает!

VI

Машину в последний раз тряхнуло, и наконец-то она оставилась.

Состояние у всех нас было плачевное. Если вы когда-нибудь гоняли на ГАЗ-66, да на полном газу, да поперёк железнодорожных полотен в течение двух часов, да находясь не в кабине, а в кузове чудо-вездехода, то вы меня поймёте. Если не гоняли, то попробуйте – кайф ломовой!

– Ну что, ребятки, живы? – участливо, но не без ехидства, спросил Литомин, открывая задний борт.

Внешность нашего начальника партии вполне подошла бы для роли комиссара в каком-нибудь героическом фильме о доблестной красной армии.

– Нормально, Андрей Степанович, все целы-здоровы! – бодро отрапортовал Вовик.

– А что ты за всех-то говоришь, – угрюмо бросил Мишка, тот самый рабочий, которого нам дали. – Ты, пацан, за себя отвечать привыкай.

Пока что о Мишке я не сложил мнения, но делать это не торопился. Вот устроим расслабушку, и всё станет ясно.

Рядом с Литоминым появилась Таня, которая, естественно, ехала с ним в кабине. И, хотя там места для двоих пассажиров чрезвычайно мало, но Литомин, как истинный

джентльмен, плюнул на неудобства и два часа героически переносил лишения, которые ему доставляли трущиеся о него различные части тела девушки! Зато каким молодцеватым он выглядел!

«Может быть, — подумал я, — напомнить, что зимой, в Ленинграде, отмечали его пятидесятилетие? Нет, не надо, пусть походит гоголем».

— Андрюша, Серёжа, — Таня улыбалась почему-то виновато, — у вас всё хорошо?

— Что тебе до нас, девушка? — показно нахмурил густые брови Андрей и, потеревив свои черные, красивые усы, упрекнул: — Эх, Танюша, за что же ты нас бросила, таких молодых, симпатичных и милых!?

Литомин шутку не понял и назидательно произнес:

— Подрастёшь, тёзка, узнаешь, что молодость — не главное! — и, ловко пригладив платиновые волосы, начал помогать нам сгружать вещи.

Я до боли прикусил губу, чтобы дико не заржать.

— Ну так что, ребятки, всё понятно? — ласково, по-отечески спросил Литомин.

— Проентов на девяносто я... — начал было Андрюха, но тёзка его прервал:

— Ну и чудно. Значит, связь в семь, остальное — по ходу дела.

Литомин всем пожал руки, а Татьяне что-то ещё шепнул

на ушко, и полез в кабину.

– Ну, мужики энд леди, пока, – помахал нам рукой Витька, шофёр, – желаю весело провести время!

И ГАЗ-66, затарахтев восемью цилиндрами своего явно больного двигателя, через пять минут скрылся в портьерах леса, прерывая связь с цивилизацией и бросая нас одних здесь, в этом далёком углу!

VII

Угол!

Что это такое?

Ни за что не догадаетесь, перебирая в уме геометрические и метафорические понятия! Всё гораздо прозаичнее: Угол – это деревня. Вернее, три дома, что остались от той самой деревни, которая на наших картах, составленных двадцать пять лет назад, выглядела довольно-таки большой и живописной.

– Ну, тёзка, ну, зараза! – плюнул зло Андрей.

– Чем он так тебе не угодил? – не понял я друга.

– Как это чем? Зачем он меня оборвал на полуслове? Я ведь что хотел сказать? Что процентов на девяносто я ни хрена не понял!

– Чего тут понимать, наливай да ней, – пожал плечом Мишка.

– Ой, мальчишки, а у меня же сегодня день рождения! Восемнадцать лет! Я теперь взрослая!

– Поздравляю! – Андрюха раскланялся перед Таней, как истинный идалго. – Однако что-то я не заметил, что ты была дитём!

– А вот некоторые заметили, – Таня почему-то стрельнула взглядом в меня, потом продолжила. – Ну, так как мы проведём этот день? В суровом трудовом ритме или в ритме рок-

н-ролла?

– Да чего языки чесать, – предложил Мишка, – все механизмы перед работой смазывают, а мы тоже, хоть и живые, а всё ж – механизмы. Да и повод недюжинный.

И все посмотрели на меня.

– А я-то тут при чём? – напустил я показное удивление.

– Как это при чём? Тебя Литомин назначил бригадиром, ты и командуй! – легко отдал мне бразды правления Андрей.

– Тогда так, – сказал я, – берём инструменты, и пошли работать. – Потом, оглядев суровые лица своих подчинённых, пояснил: – А вы разве не знаете, что хождение в магазин за горючим приравнивается к работе?

– Конечно, знаем, – заулыбался Мишка, – а рюкзак приравнивается к инструментам!

Магазин был километрах в пятнадцати, но Мишку это не смутило, и он, прихватив с собой Вовика (якобы, для воспитания в том сильной личности), легко зашагал по чудному бездорожью. Издалека они смотрелись оригинально: невысокий, но плотный Мишка широко и уверенно впечатывал в землю подошвы болотников, а рядом семенил длинный, но тощий Вовик, цепляясь одним отворотом сапога о другой, отчего они издавали жалобный, противно щекочущий внутренности скрип.

– Как в басне Крылова, – глядя им в спину, обронил Андрей.

– Это в какой? – не понял я. – «Волк и ягнёнок»?

– Нэт, дарагой, «Журавэл и Лысиц»!

VIII

В первый раз мышонку попалась такая вкусная еда. Как был необычайно ароматен этот невзрачный, мягкий, коричневатый кусочек! Зубки мышонка работали проворно, и наслаждение от еды окончательно убило последние разумные опасения, вызванные присутствием людей. Хотя, мышонок никогда не считал их своими врагами. Да за свою короткую жизнь он с людьми и не сталкивался, разве что прятался порой от нечестных собирательниц ягод.

Да, конечно, спящие люди не представляли для мышонка опасности. Но он зря ослабил внимание. Ночной лес не любит этого!

Беззвучно мелькнула тень на фоне насыщающегося светом неба, и глупый мышонок, тоненько пискнув, так и не доев кусочек понравившегося ему хлеба, уже летел высоко и быстро, сжатый стальными когтями совы. Совы сегодня не везло на охоте, и она уже было приготовилась отправиться на дневной отдых с пустым желудком, но удача всё ж улыбнулась ей.

А к оставшемуся лакомству уже подрулил новый трапезник. Он долго бродил вокруг этой полянки, но не решался выйти на нее. Полянка источала нехорошие запахи человека и дыма. И то, и другое было очень знакомо пожилому ёжику. Он много повидал на своем ежином веку: и в пожары, глота-

ющие лесные чащобы, попадал, и с человеком успел пожить, угодив однажды в любопытные детские ручки. Но всех бед ёжик удачно избежал и давно жил в своём, знакомом до последней травинки участке леса, считаясь здесь законным хозяином.

Проглотив последние хлебные крошки, которые ему не очень-то и понравились, ёжик побродил вокруг потухшего костра, между разбросанных вещей и даже, совсем осмелев, обнюхал спящих людей. Нет, больше ничего интересного он не обнаружил и покинул полянку, чтобы заняться поисками своей обычной кормёжки.

А небо уже совсем высветилось, заманивая к себе солнечный диск, который закатился куда-то далеко за земную поверхность...

Тамарка ловко молотила своими миниатюрными пальчиками по клавишам пишущей машинки.

– Здорово у тебя получается! – восхитился я.

– А у меня всё здорово получается, – обведя язычком полные губки, улыбнулась она. – Уж тебе ли это не знать!

Я только вздохнул, а Тамарка снова защёлкала литерами по валику, но ещё громче...

Я открыл глаза и сразу понял, что это был сон. Но почему же тогда щёлканье не прекращалось? Нет, это не пишущая машинка.

– Дятел, что ли? – вырвался у меня вопрос.

– Нет, его жена, дятелка! – прощёлкало возле уха.

Я повернул голову и ткнулся носом в нос Тани, который был холоден, как эскимо.

– Если б ты знал, – проклацала она, – как я замёрзла!

Я посмотрел на часы: 6:30. Потом не без труда поднялся и огляделся. Мы с Таней, оказывается, спали возле куста черёмухи просто так, на голой травке! С другой стороны куста лежали в обнимку Мишка с Вовиком. Андрюху я в поле зрения не засёк. Невдалеке зияло чёрное пятно кострища, над которым висел расплавленный чайник, а вокруг, изысканно-небрежно, были разбросаны наши шмутки: рюкзаки, палатка, посуда и, как бриллианты в изумрудном обрамлении, повсюду валялись пустые бутылки, в которых ещё вчера было так много согревающего душу и тело напитка!

– Однако! – поворошил я волосы на не совсем свежей голове. – Натюрмортец!

– Бригада! Подъём! – заорал я.

Нет, куда там! Ни один труженик даже не шелохнулся. Тогда я решил их попинать ногами. Но вовремя одумался – всё же это не совсем педагогично и гигиенично. Есть ведь гораздо более действенный способ!

– Эй, орлы, – произнес я вполголоса, – кто хочет похмелиться, вставайте, а то я всё пью один.

Не успел я договорить последних слов, как Мишка уже был рядом, а из черёмухового куста, с треском и сопением,

на четвереньках выполз Андрюха с пустой кружкой в руке:

– Давай, Серж, наливай, не пьянки ради, а сугрева для.

Я оглядел их рожи и констатировал:

– Хороши! Впрочем, и я, наверное, не лучше! А насчёт опохмелки я не в курсе. Сам только встал. Ищите. Что найдёте – всё ваше. А мне лучше кто-нибудь объясните, почему мы не поставили палатку?

– Так ты ж сам запретил нам это делать, – подал голос Вовик и, распахнув глаза, добавил чистому небу голубизны.

– Странно, почему же я это запретил? – подозревая какой-то подвох, засомневался я.

– Ну как же, ты ведь целую лекцию нам прочитал о том, чего нельзя делать в пьяном виде.

– И чего же нельзя делать?

– Гнать хода, рубить визирки и ставить палатки.

– Ну что ж, – вынужден был признать я, – теоретически всё логично.

– А практически, – широко зевнула поднявшаяся Таня, – всё офигенно глупо, а, главное, холодно!

Мишка, просматривавший бутылки на предмет залипания там остатков спиртного, плюнул и со злой ухмылкой бросил:

– Да что ж, мы не русские, что ли?!

– А при чём тут это? – не въехал Андрюха, всё ещё, в надежде на чудо, державший кружку в вытянутой руке. – Подумаешь, палатку не поставили.

– Какая, на хрен, палатка! Я про водку говорю: ни капли!

IX

– Ну, всё! Хватит завтракать. Уже полдень, а мы всё чаи гоняем!

– А почему гоняем чаи? – поднял возле виска указательный палец Андрей.

– Потому что работать не хотим.

– Да я не про то, Серж. Мы гоняем чаи сейчас потому, что именно я настоял взять второй чайник. Так что, скажите мне спасибо!

– Спасибо, – угрюмо поблагодарил Мишка, – но, по-моему, это ты ложился вчера последним и накидал в костёр кучу дров, а чайник оставил висеть, чтобы он всю ночь был горячим. Он и согрелся до полной переделки!

Андрюха только развёл руками.

– И всё-таки, – в меня уже вселились какие-то начальственные чёртики, – нужно сегодня немного поработать, прогнать хоть один километр хода.

– Прогнать один километр хода? – переспросила Таня. – Пожалуйста!

Она встала, сложила перед своим очаровательным ротиком ладони рупором и крикнула:

– Километр хода! Пошёл вон отсюда!

Потом села и смиренно посмотрела на меня:

– Всё, Серёжа, я его прогнала.

Шутка удалась, и я её попытался развить:

– Коли ты у нас такая шустрая, то прогони тогда ещё сот-ни полторы километров – это наша месячная норма, а нам лишь останется звякнуть Литомину, чтобы поскорее приво-зил зарплату.

И всё-таки до вечера мы много успели сделать: отвязались от сигнала и прогнали пару километров, благо, ход пока шёл исключительно по полянам.

Лагерь решили оборудовать капитально, потому что впе-реди было километров двадцать пять сплошной рубки, и мы с Андрюхой справедливо рассудили, что поскольку и по от-крытой-то местности мы ещё толком не можем работать с необходимой скоростью, то хода по лесу, с рубкой, дело со-всем дохлое. Торчать нам тут много дней и ночей!

Итак, Мишке, как наиболее опытному человеку (в экспе-дициях он правда не работал, но возрастом был нас постар-ше лет на десяток), мы поручили заготовку дров, Андрюха решил соорудить стол и скамеечку, Вовочка занялся уста-новкой палатки, а Таня погрузилась в кулинарные вопросы. Мне же, как начальнику, досталась самая сложная и ответ-ственная работа: думать, что делать дальше!

Все работали воодушевлённо, с фантазией, поскольку для каждого, как оказалось, его работа явилась творческим де-бютом (особенно для меня).

И плоды этого творчества не замедлили созреть!

– Ну, как моя мебель? – горделиво показал Андрюха на кривой столик и пару скамеечек, сбитых из ольховых па-лок. – Я даже спинки сделал, чтобы вам было удобнее.

– Спасибо, – сказал Мишка и уселся на одну из скамеечек. Но удобств почувствовать не успел. Мебельный шедевр переломился пополам безо всяких прелюдий, и Мишка ока-зался на земле.

Андрюха почесал затылок:

– Вот, чёрт! Не рассчитал малехо предельную прочность. Ты, Мишель, немного тяжеловат для моей мебели.

Мишка поднялся, пожал плечами, но ничего не сказал.

На вторую скамеечку сесть никто не решился.

Мы поставили кастрюлю с татьяниным варевом прямо на травку и разлеглись вокруг неё, как древние римляне на своих оргиях.

Начавшаяся было работа ложками, резко застопорилась.

– Я, конечно, понимаю, Танюша, что ты всех нас любишь, но не до такой же степени! – выразил Андрей общее недо-умение по поводу соляного раствора, изготовленного девуш-кой, и замаскированного под суп.

На глазах Тани навернулись слёзы, она бросила ложку и скрылась в лесу. Вовочка тут же вскочил и побежал следом.

– Вот, Андрэ, учись у студента, – одобрительно кивнул я, – он истинный джентльмен, не то, что ты, невежественный мужлан! Сейчас девушке так нужно сочувствие и утешение!

Андрюха немного поник.

Таня вернулась очень быстро и одна, а на её личике не было абсолютно никаких следов неутешных рыданий.

– Я ведь вам говорила, что не умею ни варить, ни жарить, ни печь! Я умею только есть! А посему, попрошу без претензий. Тем более что первый блин, если верить народу, всегда получается гадким!

– Какие претензии, Танюша! – успокоил я её, хотя успокоение ей было нужно так же, как мне повышенные сощобательства. – А где, кстати, Вовочка?

– А почему мне должно быть это известно? – удивилась она.

Мы все недоумённо переглянулись.

В это время показался Вовик. Его лицо было красным, а в глазах виднелись остатки слёз.

– Вот, чёрт, из-за этой пересолки всего наизнанку вывернуло, – устало выдавил истинный джентльмен.

X

Полночи нас душил дым костра, в котором чадили сырые дрова, в избытке заготовленные Мишкой, а когда они наконец-то прогорели (или, скорее всего, элементарно потухли), и мы приготовились плюхнуться в приятные сны, на нас обвалилась палатка. Поскольку это событие произошло как раз в тот момент, когда мы находились на границе между явью и сном, то и реакция на внештатную ситуацию получилась довольно своеобразной.

Первым попытался вскочить Вовочка, лежавший в середине, но тут же упал Мишке на голову. Мишка его скатил с себя прямиком на Таню, и та завизжала во всю силу лёгких. Вовочка ж, осознав, на кого он теперь улёгся, перестал предпринимать какие-либо попытки подняться и лежал, балдея. Всё же Таня его спихнула со своего мягкого тела, и Вовочка оказался на мне, но балдеть на себе я ему позволил ровно столько, сколько потребовалось мне, чтобы откатить его в сторону. Андрюха, лежавший с краю, оказался умнее всех: он спокойно приподнял брезент палатки, вылез наружу и стоял, наблюдая за нашими кувырками и наслаждаясь вылетающими из-под палаточного покрывала сочными эпитетами, глаголами и междометиями.

Через полчаса, отсмеявшиеся, пересчитавшие шишки от дружеских объятий, мы улеглись прямо на палатку и на-

конец-то спокойно уснули...

Солнышко, конечно же, разбудило бы нас вовремя, пощекотав прозрачными, но горячими пальчиками, но деревья-нахалы выставили свои головы и груди и захапали все солнечные ласки для себя.

Мы же, утомлённые ночной физкультурой, проснулись только в десять часов, опоздав, естественно, на радиосвязь с Литоминым.

Ну, и фиг с ним!

Мишка – без всяких указаний! – побросал в кусты все свои заготовленные дрова и, набрав сушняка, развёл бездымный костёр, на котором Таня приготовила великолепную пшённую кашу с тушёнкой. Мы наелись до отвала, и теперь, отяжелевшие и расслабленные, занимались нехорошим делом – курением. Таня и Вовик в это зло пока не вляпались и поэтому просто валялись на травке, согреваемые лучами солнца, которое уже поднялось настолько высоко, что наглые сосны и ёлки не могли всю его живительность присваивать исключительно себе.

– Ну, Серж, – пугая струйкой дыма наглых комаров, которые, однако, боялись этого точно так же, как паровоз – породистую немецкую овчарку, изрёк Андрей, – что у нас сегодня?

– Как будто сам не знаешь.

– Я-то знаю, ты объясни нашим работникам.

– Объясняю: сегодня будем учиться работать.

– Так мы ж вчера научились! – подпрыгнул Вовик.

– Это мы научились, вернее, начали учиться гнать ход, а теперь нам надо научиться лес валить.

Все посмотрели на Мишку.

– Нет-нет, – замахал я руками, – не так, как Мишка. Нужно рубить не всё подряд! А ещё это необходимо делать строго по прямой. Главное, чтобы был просвет хотя бы в руку толщиной, нам уже хватит.

– И всего-то? – удивился Вовик. – Какие там нормы?

– Два километра в день на человека.

– Давай, Серёга, говори, куда рубить, к вечеру пару норм сделаю!

Вовик встал, взял топор и, как заправский плотник, провёл большим пальцем вдоль лезвия инструмента.

– Что ж, раз намечается такой трудовой подъём – вперёд! А ты, Танюша, занимайся бытовыми проблемами, прояви фантазию.

– Ага! Мне тут одной очень здорово сидеть! Вы сейчас в этот лес врубитесь и убежите за пять километров, а меня тут медведи или волки сожрут!

– Не бойся, – успокоил я её, – Вовик тебе поможет. Мы правда будем далеко, но он-то начнёт рубиться прямо отсюда, поэтому всегда будет рядом с тобой. Если что, крикни, он непременно услышит.

Вовик посмотрел на нас свысока:

– Ну, это поначалу я буду рядом, а потом, Танечка, я сомневаюсь, что ты до меня докричишься!

XI

Я вернулся к лагерю самым последним. Нет, вовсе не потому, что желание работать было во мне больше, нежели в остальных, просто мой участок был самым дальним.

Приятно, что меня подождали, и не пришлось ужинать одному!

Еда, с каждым разом становившаяся более вкусной (молодец, Танечка, старается!), исчезала в наших ненасытных ртах молниеносно.

– Что все молчите-то? – не выдержал я этого сосредоточенного заглатывания пищи. – Поделились бы вновь приобретёнными впечатлениями!

– Да обыкновенная работа, – удивился Мишка, – какие тут впечатления?

– А мне понравилось! – рубанул воздух рукой Андрей. – Но я не просто рубился, а старался завалить как можно меньше деревьев.

Я посмотрел на Вовика, сосредоточенно работающего ложкой:

– Ну а ты, Вова, много прошёл?

– Я же говорил, что две нормы сделаю, значит, сделал.

– Ты прорубил четыре километра? – на лице Андриюхи отчеканилось недоумение. – Да быть того не может!

– А может быть, даже и больше. Я, между прочим, рабо-

таю без перекуров и лишнее деревце не ленюсь завалить!

– Дурачина ты! Я ведь не потому валил меньше деревьев, что ленюсь, а просто мне их жалко. К тому же, нам платят не за кубатуру, а за погоннаж.

– А сколько прорубают самые опытные рубщики? – полюбопытствовала Таня.

– А фиг его знает, – пожал я плечами, – но я думаю, что и для них четыре версты – это супер рекорд.

– А вдруг наш Вовик – ас из асов! – подпрыгнула девушка. – Может быть, в нём талант от рождения, и скоро мы будем плакать от счастья, что судьба нас положила к нему под бочок в одну палатку!

– Вовочка, – жалобно шмыгнул носом Андрюха, – молю тебя, не забудь обо мне, мелкой букашке, и поделись Нобелевской премией, когда тебе её дадут как лучшему вальщику баобабов!

– Молодцы, умеете зубоскалить! – похвалил я друзей. – Но ты, Вовочка, вот что мне скажи: ты поляну проходил?

– Какую поляну?

– Полянка как блюдечко, метров сорока в диаметре, до неё от начала визирки ровно километр.

– Да не было там никаких полян.

– Тогда сам посчитай, сколько ты прорубил.

– Да чего тут словами брякать, – вскочил Андрей, – пошли, дровосек, посчитаем!

Они вернулись через полчаса. Андрюха впереди, а за ним

Вовик, безнадежно понутив белокурую голову.

– Еле-еле с полкилометра набралось, – выплюнул Андрей голенькую горенькую правду.

– Эх ты, Вовик, – укоризненно покачала головой Таня, – а я-то думала, что ты у нас самый ценный член бригады!

– А он у нас и есть самый ценный член, – сказал Мишка и спокойно закурил. Потом, видя наше некоторое замешательство, добавил. – Бригады, конечно. А вы что подумали?

Вовик молча взял топор и направился к своей визирке.

– Ты куда? – окликнул я его.

– Как куда? Надо ведь доделать всё до конца.

– Ну-ка, положи топор и не строй тут из себя непризнанного стахановца! Уже темно, а он, видите ли, рубкой решил заняться. Хочешь оттяпать себе какой-нибудь член тела?

– Вот это будет картинка! – заржал Андрюха. – Самый ценный член бригады, но без члена!

Вовик насупился. Тогда Таня подошла к нему и нежно обняла за угловатые плечи, и, хотя они были одного возраста, но он рядом с нею казался её сыном или, как минимум, младшим братом.

– Не слушай, Вова, этих придурков. А скажи-ка им: лучше жить без члена, чем без мозгов!

Вовик открыл было рот, чтобы повторить Танины слова, но тут до него дошёл весь роковой смысл фразы девушки, и он резко от неё отстранился:

– Да ты что, Танька, говоришь! Не-е-е-ет! Я уж без мозгов

как-нибудь обойдусь!

XII

Первой потерей в нашем имуществе явились каски. Да, те самые строительные текстолитовые каски, которые к месту на стройке и на некоторых производствах. Но в тайге работать в касках могут только последние идиоты!

Во-первых, от жары и так с ума сходишь, а пластик, нагреваясь, ещё немилосердно добавляет мозгам градусов! Во-вторых, эта гадость всё время сваливается на глаза и её постоянно нужно поправлять. И, в-третьих, в каске изнутри крепятся пластиковые растяжки, чтобы она не давила прямо на темечко, поэтому между самой каской и головой есть пространство, в которое с большим удовольствием залетают комары и совершают там свое гнусное кусучее действие! А теперь представьте, что вы делаете, когда вас кусает комар? Правильно, бьёте его рукой. Но в данном случае попадаете ладошкой по каске. И кровопийца остаётся безнаказанным, и ручке бо-бо!

Итак, каски мы решительно отвергли и выбросили в чащобу!

– И зачем вы их только брали? – недоумевала Таня.

– А это ты спроси у своего попутчика, о которого тёрлась в кабине, – ехидно ответил Андрюха.

– Ну, тёрлась, а тебе-то что, жалко?

Андрюха вдруг упал на колени, прижал руки к груди

и взвыл:

– О, прекрасная жестокость! Зачем же ты мучаешь меня трениями своих прелестей о всяких придурков!

Потом встал, отряхнул колени, свёл брови к переносице и отчеканил:

– Всё, концерт окончен! Иду вешаться!

– Веревочку намылить? – участливо спросила Таня.

– Что вы, что вы, миледи, вешаться – не трахаться, обойдёмся без смазки!

– Идиот!

– Ой, Танечка, извини, я ж забыл, что ты ещё девственница!

– А ты пробовал?

– К сожалению, не сподобился!

– Тогда дебаты объявляю закрытыми!

Я смотрел на Таню с одобрением: молодец, не смущается! А как же иначе, ведь сама напросилась в мужской коллектив, а бабе с мужиками жить – забыть, как по-бабьи выть!

Второй потерей, но продуктовой и поэтому самой значительной, стал хлеб. Вообще-то он никуда не терялся, а просто был начисто съеден.

Нет, мы не были прямо уж так шиты каким-то там лыком! Мы всё предусмотрели заранее и взяли с собой пять килограммов муки. Оставался пустяк – сделать из неё полноценный хлеб!

И вот, однажды вечером, мы решили освоить хлебопечение.

– Мишка, давай помогай, – предложил я, – ты человек деревенский, должен знать, как хлеб пекут.

– Да проще некуда, – невозмутимо ответил тот, – берут опару, суют в форму и пихают в русскую печь. Всё!

– Ничего себе, всё! – взвилась Таня. – Ишь, как у него просто! Где мы тут тебе возьмём опару с формой? А печку русскую? Да и что такое эта самая опара!?

Мишка прикурил сигарету и глубоко вдохнул дым:

– Зря ты, Таня, на меня сердишься, я больше ни шиша не знаю. Но то, что хлеб тот очень вкусный – это точно!

– Опара – это игра слов, – предположил я. – Когда идут двое бухих субъектов – типа Мишки с Вовиком – им кричат: о! пара!

Мишка только хмыкнул, а Вовик вдруг подскочил, словно к нему под зад пристроился любопытный ёжик:

– Ура! Гениальное предложение!

– Ну-ну, – скептически протянул Андрюха, – блесни ерундичией.

– Я, конечно, не пекарь...

– Охотно верю!

– Да подожди ты, Андрэ, не перебивай, – заступился я за Вовика, – дай ему свою мысль вытряхнуть.

– Вообще-то, я мысли не вытряхиваю, а излагаю, – слегка высокомерно поправил меня самый ценный член бригады, –

но суть в следующем: делаем тесто погуще и на сковородку его – шмяк! Пусть себе готовится!

– Тоже мне, гениальная мысль, – разочаровалась Таня, – эта штука давно известна – блины называется, их жарят. А хлеб пекут, духовка нужна.

Но едва девушка договорила эти слова, как мы увидели, что её тоже что-то осенило:

– Мальчики, мы придурки. У нас ведь две сковороды, так? Значит, в одну кладём тесто, второй закрываем, и всё это сооружение засовываем... догадайтесь, куда?

– В задницу гениальному пекарю! – заорал Андрей.

– Дурак ты, Андрюша. Засовываем в горящие угли!

Мы истекали слюной, как собаки в час кормления, а Вовик бубнил тонким голоском:

– Ах, как я хочу хлеба! Ах, как я хочу хлеба!

Наконец, решив, что нужный час пробил, мы стали осторожно вытаскивать наше хлебопекарное сооружение из костра.

Видимо, желание вкусить хлеба было в Вовочке сильнее разума, иначе он не стал бы пытаться скинуть верхнюю сковороду прямо на углях. Сковороды изнутри были обильно смазаны свиным жиром от тушёнки, и, едва Вовик приоткрыл верхнюю часть сооружения, как оно вспыхнуло и весело загорелось. Все отскочили от костра и смотрели на яркие, хаотично извивающиеся языки пламени.

Первым от замешательства освободился Мишка. Он схва-

тил палку, на которую мы вешали кастрюлю и чайник, и с трудом выковырял хлебопекарное сооружение из костра, потом остатками чая полил то, что получилось. А получилось нечто бесформенное и обугленное.

Таня поискала глазами Вовика:

– Ну, дружок, ты, кажется, хотел хлебца? Давай, кусай!

Вовик зябко поёжился:

– Что-то во мне желание угасло.

– Желание угасло? – зло сплюнул Андрюха. – Ничего, я сейчас его в тебе разожгу, и ты у меня сожрёшь всю эту чёрную хреновину, да ещё и сковородки языком вылижешь до блеска!

XIII

– Серёжа, а где мы находимся? – спросила меня как-то Таня, когда я сидел у костра и изучал по карте маршрут наших дальнейших походов.

Я показал ей.

– А это что?

– Это Волонга, деревня.

– А она большая?

– Значит так, девочка, ты работаешь в лесу, мало ли что тут может случиться. Короче, ты должна уметь читать карту.

– И что же может случиться?

– Ну, откуда я знаю. Возьмёт и сожрёт нас четверых какой-нибудь безмозглый медведь. Что ты будешь делать?

– Интересно, чтой-то он вас сожрёт, а мной подавится, что ли?

– Как только он до тебя доберётся, ты начнёшь визжать, он сразу обделается и убежит. Так вот, предположим, ты осталась одна...

– Хватит мне мозги полоскать! Это ж надо, из-за того, что я тебя спросила, большая ли деревня, ты развел целую канитель! Не нужна мне твоя карта! А будешь ещё приставать с этими науками, я возьму этот лист зелёной бумаги, расукрашенный таким же балбесом, как ты, и схожу с ним в кустики, вот. Тогда ты и сам фиг из леса выйдешь!

– Как хочешь, душечка. В этой деревне семьдесят домов.

– А магазин там есть?

– Ну ты даёшь, девочка! Счас, обозначат тебе на карте все магазины да ещё напишут, что в них продаётся и по какой цене!

– Ладно, не бухти, как дедок. Сколько километров до этой Волонги?

– Не больше десяти.

– Ага. Совсем рядом.

Таня, закусив свою пухлую губку, о чём-то задумалась. А я почему-то сразу понял её мысли:

– Тебе хочется сходить в магазин?

– Да. А ещё хорошо, если там есть аптека или больница.

– А это-то зачем?

– Нужна вата или марля.

– И для каких таких целей?

– Серёга, тебе сколько лет?

– Двадцать, – не понял я её вопроса.

– Сомневаюсь.

– О, чёрт! – стукнул я себя по лбу. – Я как-то об этом не думал!

– И правильно делал. Об этом должна была думать я, дура! Эх, верно говорит одна мамина подруга: чтобы у женщины не было критических дней, она должна быть всегда слегка беременна!

– Весёлая у твоей мамы подруга.

– Что ты! Просто обалдеть, какая весёлая. Особенно она веселится, когда возвращается к себе домой, а там её встречают восемь детишек, причём, рождённые от восьми же папочек!

– А ты против детей?

– Нет, не против. Я люблю детей и хочу их. Но только не восемь и, желательно, от одного отца!

– Хорошо, Танюша, завтра с утра идём в Волонгу. Кого с собой возьмём?

– А ты подумай хорошенько.

– Я думаю, что... никого.

– Молодец!

Рано утречком, перед сеансом связи, я сказал Андрюхе:

– Как ты думаешь, хлеб нам нужен?

– Конечно. И сигареток мало.

– И водочки! – дыхнул мне в ухо невесть откуда взявшийся Мишка.

– Тогда мы с Таней сбегает в магазинчик, а вы тут пока найдёте репер и привяжете ход, о'кей?

– О чём речь, Серж! А что тёзке сказать на связи?

– Передай ему привет от Тани.

Мы с Танюшей накинули рюкзаки и помахали руками ребятам:

– Мы быстренько, туда и обратно.

– Ну что ты говоришь, Серж, всё ясноенько: туда и обратно, туда и обратно, туда и обратно!.. И запомни, совсем не обя-

зательно быстренько!

XIV

– Как, говоришь, Серёжа, называется эта фигня?

– Гать.

– Ах ты, гать твою! Напридумывают же интересных названий!

– Просто это старая гать, вся сгнившая. Когда она была новой, по ней так приятно было ходить!

– Ты-то откуда знаешь? В прошлой жизни здесь хаживал?

– Просто мне так кажется

– А мне кажется, что если мы сейчас не посидим вон на той берёзке и не отдохнём полчасика, то я больше не смогу шагати по этой гати. Ого! Стихи получились! А ты не пробовал стихи писать?

– А как же, с детства балуюсь.

– А почему мне никогда не читал?

– Ну, этому есть две причины. Во-первых, стихи мои ещё не того качества, чтобы ими кого-то нагружать. А во-вторых, ты меня не просила.

– А ты почитай, и я скажу тебе, хороши ли они.

Мы уселись на здоровенную берёзу, лежавшую поперёк просеки, по которой мы и шли.

– Хорошо, коли уж тебе так хочется, слушай, но без претензий.

– Ну, нет, – запротестовала Таня, – претензии я высказать

должна, иначе это будет несправедливо!

– Что ж, слушай:

Воды! Воды! – устало шепчут

Потрескавшиеся уста.

Один глоток – и станет легче,

И будто бы я не устал.

Один глоток всего-лишь нужен

Для жизни в этом мире мне,

Один глоток – смогу я слушать,

Смогу смотреть в глаза тебе.

Глаза твои – вулкана жерло,

Пылают страждущим огнём,

Они прекрасны, словно серны,

Они несчастны, как Содом.

Всю жизнь глаза твои блистают,

Зовут к себе: вперёд, вперёд,

Но, чтобы видеть их, я знаю —

Глотка воды недостаёт!..

Таня слушала меня заворожённо, чуть приоткрыв ротик и склонив голову к плечу, и я, читая свои юношеские вирши и глядя в её зелёные глазищи, чётко осознал, что это стихо-

творение написано именно об этих глазах. Я понял, что видел их, во сне ли, в мечтах ли, но видел и сочинял свои неуклюжие строчки именно о них!

Таня приближала ко мне своё лицо, её глаза становились всё больше и больше и, наконец, слились в одно пятно, а я почувствовал на своих сухих губах тепло губ её, влажных, пряных, упругих...

Выйдя наконец-то из леса, мы увидели перед собой железную дорогу, а за ней разноцветные кубики домов, и эта картина радостно ударила по глазам после некоторого лесного однообразия.

Магазин мы нашли сразу – это было единственное кирпичное здание, а возле него стоял небольшой зелёный домик с прибитой на стене табличкой, на которой красовался красный крестик.

– Ура! Ура! – воскликнула Танюша и прямоиком пошла к домику.

– Увы! Увы! – сказала она через минуту, когда выяснилось, что медпункт работает один раз в неделю, и этот раз был, конечно же, вчера!

Вдруг меня осенило:

– Послушай, девочка, у нас ведь есть четыре марлевых полога, тебе на сто лет хватит!

– А какого они размера?

– Они натягиваются внутри палатки, значит, и размера та-

кого же.

– Ну что ж, на один раз хватит.

– Всех четырѐх?!

– Серѐж, давай лучше о чем-нибудь более приятном, а?

– Хорошо. В магазин!

В магазине человек пятнадцать занимались обычным деревенским делом: стоя в очереди, судачили о том, о сѐм. Но стоило нам перешагнуть порог и поздороваться, как все мгновенно умолкли и уставились на нас. Взгляды были настолько пристальные, что мне показалось, что я голый. Я даже, наклонив голову, осмотрел свой фасад, но, к счастью, одежда не отсутствовала.

Таня, одетая в энцефалитку и здоровенные болотные сапоги, мгновенно вызвала жалостливые восклицания женщин (а кроме прекрасного пола в магазине никого и не было):

– Ох, бедненькая девчоночка, да кто ж тебя в лес-то загнал?!

– Господи, да что ж у тебя за родители-ироды, куда ж они ребёнка отпустили!

И т.д., и т.п., всё в тех же выражениях. Но самое интересное, что, как бы они ни жалели нас, а, вернее, ребёнка-Таню, но без очереди всё-таки не пропустили!

Мы встали в самый конец.

Кто-то вошёл в магазин ещё, и, спустя несколько секунд, я почувствовал тяжесть руки на своём плече. Резко обернувшись, я увидел сияющую рожу незнакомого мне мужика.

– Здорово! – заорал он настолько громко, что у меня зазвенело в моих нежных ушах, привыкших лишь к лесной тишине да редким Танюшиным вскрикам.

– Здорово, – кивнул я.

– Слышь, земля, а ведь ты из Питера, – уверенно заявил мужик.

– Точно! – изумился я. – А ты что, меня знаешь?

– Нет. Но я всех питерских насмерть чую!

Я, правда, не понял, что значит чують насмерть, но всё же мужика зауважал.

А тот безапелляционно влепил:

– Значит, так, отоваривайтесь и – ко мне в гости! Возражения и отказы не принимаются! А ну, бабы, брысь, дайте людям отовариться. Вам свои языки и на том свете не перечесть, а у них – дело.

– Какое такое дело? – слышалось из очереди.

– А такое: в гости ко мне идут! А будете вредствовать, опять всю ночь стану песни петь!

– Боже, спаси! Боже, спаси! – закрились старушки.

XV

Когда в небе бледно-бледно замаячили полторы луны, я понял, что пора отправляться в наш маленький брезентовый домик.

Мы с Таней сидели за столиком прямо в огороде, возле дома нашего неожиданного земляка. Сам же он давно уже почивал невдалеке, удобно уложив своё тело на грядку, покрытую пышным ковром морковной ботвы, а голову засунув в огуречные заросли.

Перейдя железную дорогу, мы с огромным трудом нашли нужную просеку и побрели, цепляясь ногами за всё, что выступало над землёй больше, чем на один сантиметр.

Перебор по части спиртного был ох как значителен! Я это чувствовал не только по своему состоянию, но и по тому, с каким упорством держалась за меня моя прекрасная спутница.

Мы прошли, вероятно, полвечности и наконец-то добрались до поваленной берёзы.

– Всё! – Таня бросила на землю рюкзак. – Больше никуда! – И попыталась усесться на берёзу. Но попытка не удалась, и девушка шлёпнулась в траву.

«Хорошо, – успел подумать я, – что здесь место высокое и нет воды».

Потом я взглянул на небо, где луны уже стало две с поло-

виной, и упал рядом с Таней. И ещё я услышал чей-то голос (или глас?):

– Внимание! Сознание отключается!

И я отключился...

Я проснулся оттого, что кто-то тормозил меня за нос. Открыв один глаз, я понял, что лежу в родной палатке, а за нос меня дёргает Андрюха, но он почему-то весёлый и пьяный.

– Доброе утро, кормилец, – улыбнулся он шире плеч, – как самочувствие?

Как ни странно, но самочувствие было неплохое.

– А где все? – оглядел я пустую палатку.

– Там, – неопределённо махнул рукой друг и резко повалился. – Теперь сплю я!

Возле костра сидели Таня с Вовиком и пили чай. Рядом, метрах в четырёх, под ёлочкой, валялся Мишка и храпел, как прихворнувший ринитом слон. Я сразу понял, что он пьянящий в хлам.

Вовик быстренько схватил чайник, стоявший возле самого костра, и, налив кружку доверху, подал её мне.

Я с жадностью отхлебнул несколько глотков и не выдержал неопределённости:

– Ёлки-палки, я не понимаю, что тут у вас происходит?! Или это крыша моя отчалила в неизвестном направлении? Почему это мы, пившие вчера, трезвы, а вы, которым пить, кроме воды, было нечего, валяетесь пьяными под каждым кустом?!

– Ну, вообще-то, я трезвый, – справедливо заметил Вовик, – а насчёт того, что все пьяны, так это претензии к себе, пожалуйста.

– В каком смысле?

– А в прямом и переносном.

– Слушай, студент, либо ты говоришь ясно, либо сейчас у меня пойдёшь рубить секвойи!

– Серёженька, лапочка, сядь возле меня, а я тебе всё-всё расскажу, – тоном нянечки детского садика просюсюкала Таня.

Я уселся рядом с девушкой, отхлебнул пару глотков чаю и приготовился слушать.

– Долго вчера ждали нас мальчики, до темноты, да не дождались. И пошли тогда Мишутка с Вовочкой нам навстречу. И повстречали они у поваленной берёзы наши отрубившиеся тела. И притащили они нас на себе, а также и наши рюкзаки. А в одном-то рюкзаке было винища видимо-невидимо! И получилась у них весёлая ночка с песнями да танцами! Вот и вся сказочка.

– А откуда у нас вино, Таня?

– Забыл? Мы ведь покупали пару бутылок для ребят.

– И ты хочешь сказать, что они такие неподъёмные с пары бутылок?

– Какая пара бутылок? – шмыгнул носом Вовик, – там их штук восемь было!

– Ах ты, чёрт! – вдруг вспомнил я. – Это, не иначе, зем-

лячок! То-то он мне всё про какой-то сюрприз втирал. Ну что ж, сюрприз действительно получился!

XVI

– Ну-ка, дружок, – обратился я к самому ценному члену нашей бригады, – Расскажи, что вы вчера сделали.

– Дорубили визирку и прогнали ход, но привязаться к реперу не успели – стемнело, – отчеканил чётко, как на экзамене, шустрый малый.

– Тогда вот что. Пусть эти танцоры-песняры тут храпят дальше, а мы пойдём и привяжем ход, а заодно проведём небольшую рекогносцировку.

– А я с вами? – спросила Таня.

– А это уж дело твоего желания, – предоставил я ей выбор, справедливо полагая, что состояние её после вчерашних похождений не может быть абсолютно нормальным.

– Неужели, Сережёчка, ты думаешь, что я такая идиотка, что буду сидеть тут и охранять драгоценный, громогласный сон двух алкашей!

– Всё понятно, девочка! Тогда бери рюкзак, бросай в него чайник, банку тушёнки, буханку хлеба и – вперёд!

– Вот, – показал пальцем на берёзку Вовик, – здесь мы и закрепили ход.

– Ну, вы и лентяи, – посмотрел я на аэрофотоснимок, – ведь до репера осталось метров пятьсот. Могли бы и потрудиться малехо, а не только перегружать себя ожиданием нашего возвращения!

– Я-то тут при чём?! Командовал Андрей.

– А кто орал, что будет работать, как Павка Корчагин?!

– А кто мне сказал, что главное не работа, а получение удовольствий?!

Ну что тут сказать, молодец, Вовочка, далеко пойдёт!

– Танюша, бери рюкзак, иди на полянку и ищи пока репер, а мы через десять минут подгоним ход.

– А что такое репер?

– Репер – это бетонный столбик, вкопанный в землю на два метра.

– Ты, видно, совсем офанарел! Я что, землеройка или экскаватор, чтобы зарываться на два метра?

– Ну, ты уж совсем меня за идиота считаешь, – оторопел я от такой логической выкладки. – Неужели ты, девочка, думаешь, что я способен заставить тебя проделывать такие вещи?

– Я, Серёжечка, ещё слишком мало с тобой знакома, чтобы ведать обо всех тайниках твоих мозговых загогулин! А вдруг ты в душе садист?

Я только пожал плечами:

– Вполне возможно. Но сегодня обойдёмся без зверств. Значит так: найдёшь на полянке деревянный столбик. Вокруг него – колечком – выкопана канавка. Это и есть репер, вернее, сторожок над ним. В землю, Танюша, – запомни, в землю! – зарываться не надо!

– Ну, где репер? – спросил я Таню, устанавливая нивелир на полянке.

– Вот уж не знаю! Но одно точно: нету тут никаких ни сторожков, ни колечек, ни треугольничков, ни даже параллелограммиков! Ни шиша!

– Быть того не может. Вот видишь, тут, на карте, да и на снимке, чётко обозначено: репер №1042.

Таня посмотрела на меня, как Ленин на Фаню Каплан:

– Я охотно верю, что на твоей карте это всё есть и даже, думаю, что ещё очень много всего интересного можно на ней отыскать, если постараться. Но здесь, – Таня показала рукой на полянку, – здесь есть только травка, полупустой рюкзак да я, дура, пытающаяся тут отыскать какую-то хренатень!

– Эх, девочка, – снисходительно улыбнулся я, – искать надо уметь!

За два часа мы общупали каждый сантиметр этой долбаной полянки, площадью соток в десять, но, кроме злости и разочарования, ни шиша не нашли.

– Серёга, – проявил догадливость Вовик, – а вдруг это не номер репера, а год его закладки?

– Ты знаешь, Вовочка, я не удивлюсь, если это так!

А в это время к нам подкрался волчий аппетит и вцепился мёртвой хваткой в наши желудки. И первой не выдержала Таня:

– Да в гробу я видела эти сторожки и реперы! Да пропади

пропадом вся ваша топография и геодезия! Вовик, разжигай костёр, будем пить чай и есть тушёнку!

Таня расстегнула рюкзак, чтобы вынуть из него чайник, но тут же отскочила в сторону:

– Господи, ужас-то какой!

– Что, тушёнку забыли? – тревожно спросил Вовик.

– Ты посмотри, что тут творится!

Вовик сунул свой буратинный носик в рюкзак и воскликнул:

– Вот это кишмиш!

Потом он поднял рюкзак и засмеялся:

– Рюкзак-то на муравейнике лежал!

Мы долго вытряхивали наглых оккупантов, но они упорно цеплялись за всё что можно, особенно, за сахар.

– У, гады, сладенького захотели! – и Таня недобро пнула ногой по муравейнику.

И муравейник неожиданно развалился на две части, показав внутренность, которая оказалась деревяшкой, испещрённой несметным количеством дырочек.

И тут я всё понял:

– Так это же и есть сторожок! Просто подгнил чуть-чуть, а муравьи гнилинку любят, им здесь тепло.

– Да? – недоверчиво ухмыльнулась Таня. – А где же колечко?

– А хрен его знает, – пожал я плечами. – Может, заросло, а может, наши коллеги, заложившие этот репер, поленились

его окопать.

– Нет, не так, – засверкал глазами Вовочка, – они заложить-то заложили, но только – за воротник, а потом сами тут и окопались!

– Ничего, – утешил я ребят, зато мы теперь знаем, как искать реперы.

– Точно, – воскликнула Таня, – нужно взять рюкзак, бросить его как можно дальше, потом два часа где-нибудь поболтаться, после – вытряхнуть из рюкзака муравьёв, чуть-чуть поматериться, хлопнуть себя по лбу, и готово! Репер найден!

XVII

В лёгкой работе и тяжёлом отдыхе промчалось недели три. Судьба, а, вернее, тот, кто трассировал наш маршрут, вторично свела нас с деревенькой Волонгой.

Был уже поздний вечер, когда мы, прилично уставшие и абсолютно промокшие от нудного, не летнего дождика, подрулили напрямик к домику своего земляка, размечтавшиеся провести эту ночь под крышей, обсохнуть, отогреться и на халяву чего-нибудь пожевать. Но, видно, у главного распорядителя халяв на сегодня все лимиты были исчерпаны: земляка дома не оказалось!

– А он уж недели две как в Ленинград уехал, – объяснила нам говорливая соседка.

– По делам, наверно? – машинально спросил я.

– Да где там! Он тут неделю куролесил, надоел всем хуже смерти!

– Песни пел? – припомнил я угрозы земляка несговорчивой очереди.

– Ага, ага, – закивала соседка, ничуть не удивившись моей осведомлённости. – И ведь как, зараза, делал! Залезет ночью на крышу и начинает объявлять: «Песня арлекина», исполняет Алла Пугачева!» И давай орать всю ночь вместе с хором!

– А он что, не один пел?

– Да это собаки. Видать, им понравилось. А нам какво? Ажно мурашки по коже! Так орал неделю, а потом собрался, всех обматерил, особенно какую-то Ностальгию – замучила она, видишь, его! – и умотал в Ленинград. Мы всё думали, что за Ностальгия такая? Нет у нас такой. Потом решили, может это Настасия? Так она отказывается, знать, мол, ничего не знаю! Ну, уехал, и слава Богу! – и соседка три раза перекрестилась.

Мы весело посмеялись, но недолго – сырость и усталость не идеальный катализатор смеха.

На нашу просьбу переночевать соседка замахала руками, мол, негде, но дала совет сходить к бригадиру. По тону и уважению, с какими она произносила слово бригадир, мы поняли, что он здесь, в Волонге, заместитель не только Господа Бога, но и самого генсека КПСС!

Можно было даже не спрашивать, где живёт бригадир, его домище был виден из любой точки деревни, как Эйфелева башня из каждого закоулка Парижа.

Мы постучали раз, другой, и, не дождавшись никакого ответа, Андрюха рванул массивную дверь на себя и первым прошёл внутрь. Я осторожно скользнул следом. Посредине большой комнаты стоял большой-пребольшой стол, за которым сидел, конечно же, большой-пребольшой мужик.

«Если это не бригадир, – подумал я, – то пусть меня отправят в самый женский монастырь!»

– Здравствуйте, нам бы бригадира, – несколько оробел

Андрей.

Огромный мужик только кивнул головой, словно говоря: это я. Потом так же молча достал из-под стола трехлитровую банку, наполнил до краёв два стакана содержимым этой банки и неторопливо, по очереди, поставил их перед нами.

– Спасибо, – прижал руку к груди мой друг, – но мы люди вообще-то непьющие, а привело нас к вам исключительно дело...

Но тут я, увидев в глазах бригадира недобрые огоньки, ткнул Андрюху локтем в бок. Потом взял стакан и медленно, сквозь зубы, процедил в себя крепко пахнувший самогон. Когда дыхание, сбитое адским горючим, восстановилось, я пошарил глазами по столу в поисках чего-нибудь съедобного, но, кроме нескольких стаканов, обнаружил лишь большую миску с клюквой. Как ни странно, но вкус болотной ягоды легко убил во рту самогонный аромат.

Андрюха, последовавший моему примеру, чуть-чуть поторопился – он поперхнулся самогонкой и закашлялся, но смог быстро взять себя в руки.

Густые брови бригадира отползли немного от переносицы, что, вероятно, означало улыбку, и он пробасил:

– Пятро, разберись!

И тут я увидел щуплого мужичка, который находился рядом с бригадиром, но, из-за более чем внушительных габаритов хозяина, терялся за столом, как Венера в лучах восходящего Солнца.

Пятро шустренько вскочил, пожал нам руки и, узнав суть проблемы, мгновенно разрешил ее:

– Мы вам дадим комнату в комсомольско-молодёжном общежитии. Только мебели там нет.

Какая к аллаху мебель, мы же не институтки из Смольного! Главное – крыша над головой, а если это крыша молодёжного общежития, то разве можно пожелать что-то более великолепное!

XVIII

Как нас тупо давит однообразие жизни! Как стремительно мы покрываемся тоскливой плесенью от монотонности будней!

О, слава вам, буйные сюрпризы Судьбы! О, слава вам, ехидные сарказмы Фортуны!

В длинном деревянном бараке, который и был тем самым общежитием, и правда было много комсомолок и комсомольцев, но пик их активности, увы, пришёлся на двадцатые-тридцатые годы! И сейчас, несомненно, некоторые из комсомолок были душою молоды и даже озорны, но тела их давно потеряли свои холмистые формы и превратились в унылые, однообразные равнины и болота.

Что ж, разочарование мы перенесли стоически, к тому же усталость требовала удовлетворения.

Палатку мы бросили на пол, и постель была готова. Долгожданный сон пришёл бодро и неумолимо.

Первым среди ночи заныл Вовочка:

– Да что ж это такое! В лесу жрали-жрали и здесь покоя не дают!

– Если ты имеешь в виду комаров, – послышался мишкин голос, – то напрасно на них грешишь. Это не они. Ты слы-

шишь хоть один писк?

— Нет, не слышу, — чуть помолчав, робко произнёс Вовочка, а потом заорал. — Так кто же меня глодает тогда?!

— Кто, кто, — громко зевнул Андрюха. — Приезжай ко мне в гости на улицу Ломоносова, я тебе покажу там твоих искусителей.

Я мгновенно всё понял, потому что бывал в гостях у Андрея неоднократно — нас жрали обыкновенные клопы.

Только когда мы включили свет, я понял, как я глуп и наивен. Эти клопы не были обыкновенными! Величина их поражала, а количество просто било наповал. Все стены и потолок были усеяны копошащимися тварями! Но мало того, здесь было ещё неимоверное количество разнокалиберных тараканов, которые, впрочем, быстро попрятались от лучей стоваттной лампочки. Клопы же не очень реагировали на свет, они были либо храбры, либо, что вероятнее, зверски голодны.

А на часах было всего-то шесть утра.

Через три часа мы прощались.

Андрей вызвался вместе с Мишкой и Вовиком сходить сделать один небольшой, но очень далёкий ход. Мне же он великодушно (слегка поскрипев зубами) разрешил остаться на эти два-три дня наедине с Танюшей, тем более что сегодня должен был приехать Литомин и привезти деньги и тушёнку, и нужно было его кому-нибудь встретить.

Если я вам скажу, что долго и упорно отказывался остаться с Таней, вы мне поверите? Нет? Странно!..

Первым делом после проводов товарищей мы сходили в магазин, купили два флакона дихлофоса и устроили последний день Помпеи для клопов и тараканов. В результате химической атаки нами было уничтожено такое количество наглых насекомых, которого с избытком хватило бы на неделю пропитания небольшому племени бушменов.

Потом мы почистили стены, помыли полы и поставили три кровати с матрасами, которые нам обеспечил шустрый Пятро. Мы могли бы взять и пять кроватей, но, увы, жилплощадь не позволяла этого.

И вот тогда помещение сразу стало похоже на комнату, где живут люди!

Литомин приехал в час дня на поезде и, быстренько выдав деньги (тушёнку он фиг привёз!), побежал проверить опознаки нашего ближайшего хода. Я хотел его сопровождать, но он отказался:

– Если всё сделано правильно, найти их будет нетрудно, если же я опознаков не найду, то работа ваша – брак, подлежащий переделке!

И он рысцой побежал проверять результаты наших трудов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.